

ОТ ИСТОРИИ СОБЫТИЙ К ИСТОРИИ СТРУКТУР

Каждая эпоха порождает своих исследователей, следующих специфической для своего времени логике отражения исторического процесса, стремящихся найти в истории если не ответ на насущные вопросы современного им мира, то, по крайней мере, пытающихся подобрать некоторый ключ, пользуясь которым можно по-новому посмотреть, по-новому осмыслить и прошлое, и современность.

Предлагаемая читателю работа В. М. Мисюгина, воспитавшего много советских африканистов, являет собой пример такого поиска гармонии в кажущемся хаосе исторических событий, поиска такого нового ключа к пониманию процесса исторического развития. По существу — это беседы исследователя с внимательным и заинтересованным читателем. Книгу можно было бы назвать, отметив основной мотив, проходящий через все восемь эссе или лекций — «феномен трёх братьев во всемирном историческом процессе». Такое исследование, внешне глобальное по охвату пространства и исторического времени, самой своей постановкой вопроса весьма исторично. С некоторыми оговорками его можно считать своего рода протестом, тем более, если учесть, что создавалось оно отнюдь не в перестроечное время. С одной стороны, это своеобразный протест против догматического истматовского понимания древнейшей истории человечества, выработанного исключительно на основе энгельсовской интерпретации концепции Л. Г. Моргана. Отражение этой концепции, естественно, присутствует и в построениях В. М. Мисюгина. Напомним, что по Л. Моргану и Ф. Энгельсу вся первобытная (доклассовая) история как бы вращается вокруг основной для этого научного направления проблемы — проблемы возникновения и эволюции рода, родовой организации, взрывающейся в конце своей эволюции развитием частнособственнических отношений и становлением государства. Напомним, что ко времени создания этой концепции исследователи располагали свидетельствами из уже практически разрушенных традиционных культур американских индейцев, фрагментар-

ными сведениями о весьма специфических островных культурах Тихого океана и Австралии, и практически не были знакомы с культурами и социумами народов Африки. Не случайно Л. Морган практически не располагал материалом по Африке. Важным подспорьем при создании концепции явились известные данные по древним и средневековым культурам Европы и древним цивилизациям Азии, но они не могли лечь в основу концепции древней первобытной истории в эволюционном понимании древности. Древнее по времени не есть более раннее, первичное в эволюции.

К шестидесятым годам нашего [двадцатого. — *Ред.*] столетия — началу активизации африканистических исследований в СССР — в зарубежной литературе был уже накоплен весьма обширный этнографический материал. Этот материал никак не укладывался в прямолинейные схемы перехода от материнского к отцовскому роду в моргановском его понимании. Уже были даны описания достаточно целостных общественных систем, по многим параметрам демонстрирующим так называемые примитивные и варварские общества, и одновременно — высокую степень развития социальной структуры, материальной и духовной культуры. В целом стало очевидным, что Африка развилась как часть общечеловеческого исторического процесса, в тесном взаимодействии с внеафриканскими цивилизациями, что она имеет много общих черт, обнаруженных в культурах народов других континентов. Но сложившиеся «классические» концепции исторического развития, в частности, концепции примата кровнородственной родовой организации, при их наложении на африканский этнографический и исторический материал, не могли устроить исследователей.

Во внеотечественной науке от «классических» эволюционистских концепций к этому времени большинство исследователей уже отказалось, в то время как в странах социалистического лагеря настойчиво «рекомендовалось» им следовать. Это отнюдь не означало, конечно, что «западные» концепции удовлетворяли наших исследователей, так как там предпочитали уходить от столь актуального для эволюционно-исторического направления вопроса, как вопрос об этапах (стадиях, формациях) в развитии общественных систем. В лучшем случае «на Западе» речь шла о типологии отдельных подсистем, структурном соотношении компонентов в общественной организации, комплексном описании отдельных культурных ареалов и обществ. Компаративистика широко плана к этому времени как бы вышла из научной моды, и этот процесс стал проникать в нашу этнографическую и историческую науку.

Протест против столь утилитарного, технократического или сугубо академического подхода к историческому исследованию, или, как это сам В. М. Мисюгин едко определяет его — дискретно-дифинитному — можно обнаружить в каждом из представленных в книге эссе. Наверное, можно спорить о степени применимости структурного анализа или сравнительно-

исторического метода. Нужно и то и другое, и оба подхода автор использует, склоняясь, тем не менее, в большей степени к широким историко-культурным и эволюционным параллелям. В этом смысле он как бы пытается соединить внешне противоположные подходы, сам становясь как бы связующим звеном между эпохой свободного историко-этнографического описания конца XIX — начала XX века и периодом жестких и математически точных попыток структурных исследований, более характерных для конца 70-х — начала 80-х годов XX века. В этом смысле напрашивается параллель с известной книгой Л. Н. Гумилева «Этногенез и биосфера земли», посвященной поиску таинственного «фактора X», влияющего на развитие того, что автор именуется «этносом». Здесь мы тоже видим и широкие по охвату материала исторические эссе, и попытки применения жестких формулировок, вплоть до введения целых концептуальных блоков из точных (естественных) наук. Подчеркну, что параллель можно усматривать только в самой попытке сочетания, у столь непохожих исследователей, жесткого и описательного подхода, социоструктурного и сравнительно-исторического. Но не более того, так как В. М. Мисюгин, в отличие от Л. Н. Гумилева, не выходит за пределы историко-этнографической проблематики и методологии.

В данном случае те места исследования, которые можно обозначить как «жесткие», и которые, вероятно, будут затруднять некоторым читателям понимание текста, самым своим характером обязаны специфическому объекту описания — структурно достаточно четким социальным подсистемам. Одна из них — это система социально-возрастных категорий, другая — система категорий, в которых выражаются родственные связи людей (включая связи через брак). Нет нужды здесь специально доказывать, что такие категории системны, и что в этих системах категорий некоторым образом отражаются и системы реальных социальных отношений, взаимодействия людей. Каким образом система отношений людей отражается в системе категорий для их выражения в речи и письме — само по себе является вопросом достаточно дискуссионным, особенно если речь идет об исторических источниках по исчезнувшим культурам, или когда нам даны только эти категории, но нет описания их парадигмы и контекстов их применения.

Представьте себе, что где-то обнаруживают фрагмент записи на русском языке, в котором говорится, что «русские отдают детей в детские сады». Что значит в данном случае «отдают»? То есть, если не известен общий социальный контекст, то вариантов понимания этой фразы, и вариантов весьма даже экзотических, может быть достаточно много. Но задача исторической этнографии как раз и состоит в восстановлении в общих чертах этого «социального контекста» по дошедшим до нас историческим фрагментам, или путём реконструкции на основе сравнительно-исторического

подхода свойствам — указаниям на возможное существование некоторых таких контекстов. Регулярность, повторяемость в различных источниках некоторых системных, взаимосвязанных явлений и наводит исследователя на мысль о некоторой закономерности. Эту закономерность, регулярность нужно жёстко, чётко обозначить, чтобы и другие могли обнаружить её в бесконечном множестве разноплановых явлений, событий, социальных и культурных регулярностей. Поэтому обращение к вопросам, касающимся систем родства и половозрастных систем, предполагает элемент жёсткости, некоторой идеализации как обобщения множества вариантов. Все эти подходы, как и «жесткий» метрический эталон-обобщение, представлены в работе В. М. Мисюгина, и это — необходимость, навязанная ему основным предметом, интересующим автора.

Кратко остановимся на том, в чём состоит, собственно говоря, предмет исследования. С одной стороны, мы знакомимся с предполагаемой моделью нормы наследования у древних суахили Восточной Африки, культура которых рассматривается в тесной связи с развитием мореходства и торговли в Аравийском море, с другой стороны — автор уводит нас в перипетии взаимоотношений древних германцев и Рима, размышляет над степенью родства преемников великого Цезаря, зовет окунуться в мир древних саг о конунгах, при этом напоминая читателю о некоторых особенностях индийских Махабхараты и Рамаяны. Какое отношение ко всему этому миру имеют галла-оромо, описанные в XVI в. эфиопским монахом Бахреем, или русские князья? Все это для автора суть контексты, свидетельства вариантов разрешения в историческом процессе основного вопроса, основного предмета, который интересует В. М. Мисюгина как этнографа. Этот вопрос можно сформулировать более жёстко, чем это делает сам автор: какова начальная структура, определяющая специфику общественной системы первобытности, и каким образом эта начальная структура трансформировалась в социальный институт, который сам автор именуется родом? Под родом В. М. Мисюгин понимает генеалогическую группу, связанную биологической близостью различной степени, но осознаваемую носителями культуры как отдельная социальная группа. В тексте работы такой формулировки нет, так как автор постоянно уходит от дефиниций, предпочитая описательный, функциональный способ определения явлений.

Здесь будут фигурировать и такие обозначения, как кровная или биологическая связь, кровнородственная группа и пр. В этом, на мой взгляд, тоже заключён некий протест против этнографической традиции обозначения родовой организации как группы, считающейся единой «по крови» и восходящей к единому предку и пр., противостоящей семье и предгосударственным формам организации общества. Не случайно первичной формой семьи (по Моргану и Энгельсу) была так называемая «кровнородственная семья», где происхождение «по крови» не учитывалось, экзогамия родовой

группы не существовала. Эта гипотеза уже давно признана несостоятельной даже в отечественной литературе. Для Моргана род тоже был точкой отсчёта в анализе его становления и распада. Это обозначение употреблялось и для развитых, в современной терминологии — линейных форм, и для некоторых гипотетических «первичных».

В современной этнографии под родом первобытности признаётся экзогамная группа, считающаяся ее членами единой по крови или предку, но не обязательно таковой являющаяся в действительности. Более того, собственно родом обычно признаётся группа, где сами носители культуры не могут дать генеалогического обоснования своей кровной близости, и в этом обосновании чаще всего просто нет общественной надобности. Пример тому — исследование таких групп (вемунов) у папуасов деревни Бонгу, проведенное Н. Н. Миклухо-Маклаем и уточненное спустя сто лет уже советскими этнографами.

Какая разница — присутствует биологическая осознанная связь или не присутствует? Осознана эта связь или нет? Вопрос, конечно, лежит в несколько другой плоскости: что было первично, что выступало в качестве системообразующего, базисного исторического явления в процессе возникновения экзогамных родовых или тотемических экзогамных групп? Что лежало в основе возникновения экзогамии, запрета брака в определённой группе и допущения, а иногда и предписания вступать в брак с лицами любой внешней, а в ряде культур — и конкретной группы? Таков комплекс вопросов, появившихся ещё до работ Л. Г. Моргана и продолжающих волновать исследователей первобытности по сей день.

Основным материалом для Л. Г. Моргана послужили собранные им сравнительные таблицы систем терминов родства и, в частности, таких систем, которые давали одинаковую характеристику для целых групп родственников, которые в системах терминов из более развитых обществ обозначались как относящиеся к различным категориям родства. Такие системы, обозначающие целые классы родственников одним термином, Л. Г. Морган назвал классификационными (классификаторскими), а наиболее распространённый тип их — турано-ганованскими (едиными для древней Азии и Америки).

Существенно, что во многих системах терминов родства этого типа родственники как бы образуют группы лиц, относящиеся к различным социально-возрастным категориям (например, «отцы», «дети», «внуки»), вне зависимости от реального возраста и реальной биологической близости. Так «внуки» могли быть, по реальному для нас возрасту, старше «дедов», а «отцами» человека могли считаться люди, с нашей точки зрения, находящиеся в весьма отдалённом с ним родстве. Иными словами, генеалогические поколения не совпадают с социальными и возрастными, а степень генеалогической близости не совпадает со степенью биологической

близости. Такие системы терминов родства, предполагающие и соответствующее поведение лиц, обозначаемых этими терминами вне зависимости от реального возраста людей, существуют в целом ряде культур и сейчас. Несомненно, что в основе построения такой системы лежит, по крайней мере, представление о делении всех членов общества по полу и возрасту. Но подразумевается возраст специфический — социальный, и все оказываются в групповых отношениях типа «группа предков — группа потомков», вне зависимости от индивидуального возраста членов таких групп.

Ближайшей параллелью такого этнографического явления — социального института с четко выраженным представлением о социально-возрастном, а не об индивидуально-возрастном принципе причисления человека к группе, с представлением о групповом социальном возрасте — является другой, тоже достаточно хорошо известный этнографии социальный институт: система возрастных классов. При функционировании такого института, группа индивидов, составляющая один возрастной класс, определяется как единая и получает общее наименование. Через некоторое (различное в разных культурах) время эта группа людей переходит в другой социальный статус, сменяя предшественников и беря на себя их функции в обществе, а на её место производится набор новой группы. Такие группы образуют иерархию с различными функциями в обществе, с особыми отношениями между людьми, относящими себя к старшим и младшим группам. В различных обществах роль этого института может быть различной. Например, у масаи, галла, туркана Восточной Африки он играл, судя по описаниям XIX–XX вв., чрезвычайно большую, подчас определяющую роль в жизни человека и общества — хотя одновременно существовали и другие формы социальных объединений: родственные, общинные, локальные, конфессиональные и т.д.

Наличие этих двух социальных институтов — объединений по родству и возрастных классов, в которых чётко прослеживается принцип половозрастного социального деления и несовпадение социального возраста с реальным, индивидуальным — уже давно стало основанием рассмотрения их как институтов близких и даже родственных. Основной вопрос, однако, заключается в том, каков характер этой близости. В ранних этнографических работах системы социально-возрастных объединений чаще всего представлялись как первичные по отношению к системам родства классификаторского типа, о которых шла речь выше. Были и обратные попытки — показать их вторичный характер. Мне лично представляется, что эти типы систем не находятся в отношении первичности-вторичности, а являются совершенно различными, даже антагонистическими формами социальных образований, равно использующих только сам принцип социально-возрастного объединения, но с разными функциями — то есть это различные исторически и хозяйственно мотивированные формы реализации

половозрастного принципа общественной организации. Эволюционно они не находятся в отношении преемственности (первичности-вторичности), но являют собой параллельное развитие различных социальных институтов, использующих один принцип организации, но имеющих разные функции в обществе.

Автор данной книги занимает совершенно иную позицию в отношении своих исторических предшественников, хотя и не отходит от представления о первичности половозрастного института в форме возрастных классов. Он, по существу, отказывается от признания классификаторских (тураноганованских) систем родства, как они понимаются большинством этнографов, как отражения родовой организации, считая общепризнанные этнографические свидетельства искажением описания под влиянием европейской модели, или описанием разрушенных социальных форм. Таким образом, он как бы снимает с повестки дня дискуссию о соотношении системы возрастных классов и классификаторских систем. В то же время, классификаторские системы терминов и стоящие за ними системы социальных отношений В. М. Мисюгин интерпретирует как реальное функционирование систем возрастных классов, ограниченное собственно демографическими параметрами наследования титула и социального статуса. Вопрос о соотношении возрастных классов и родовой организации, тем не менее, оставлен, но в эволюционную последовательность поставлены следующие полярные формы: чистая система половозрастной организации, реконструируемая по галла-оромо XVI в., и собственно родовая линейная система родства с социально значимой биологической связью. Предмет этнографического спора — классификаторские системы — предстает, в такой постановке вопроса, как этап исторического перехода от возрастных классов к линейному биологическому роду, искажённый неадекватными описаниями и интерпретациями.

В этом, собственно, и состоит основной предмет книги: показать, через исторические свидетельства, состояние общества в различных вариантах такого перехода. Сразу можно сказать, что с таким способом «снятия проблемы» классификаторских систем, их функционирования и эволюции, мало кто из этнографов, занимающихся вопросами эволюции социальных институтов, сможет согласиться. Тем не менее, такой подход открывает широкие возможности для комплексной, многомерной оценки исторических и этнографических свидетельств по множеству параметров и, в частности, по сочетанию в свидетельствах свойств родовых и возрастных институтов.

Действительно, при любом праве группового или внутригруппового наследования статуса или титула будет присутствовать сугубо демографический фактор, и это может влиять на закрепление результата его действия в некоторой форме традиции относительно возраста наследника или опти-

мального срока правления. Формы предпочтительного брака в условиях относительно замкнутой системы рода, экзогамных групп, по мере усложнения общественной организации, конечно, приведут к ограничению числа таких групп, члены которых претендуют на преимущество при передаче титула. Эти естественные, вероятностные в своей сути процессы лежат в основе возникновения общих признаков у систем, представляющих разные культуры, именно в силу их объективности, неустрашимости, независимости от специфики культуры или уровня общественного развития. И само обращение к такого рода явлениям в этносоциальной истории представляется достаточно продуктивным, оно может служить особым измерением, шкалой для анализа исторических памятников и этнографических свидетельств.

Однако следует отметить, что сам факт указания на широкую представленность явления в самых различных культурах, с моей точки зрения, совсем не обязательно служит указанием на его эволюционную, историческую первичность — так же как и редкость явления отнюдь не исключает его глубокой исторической или эволюционной природы. Широта представительства свидетельств о половозрастной организации может быть объяснена отнюдь не обязательным существованием в прошлом именно системы возрастных классов, тем более в ее конкретной (пятиступенчатой) форме, как это представлено в гипотетической структуре В. М. Мисюгина на основе данных по Эфиопским галла-оромо.

Деление по полу и возрасту, восходящее к биологической природе человека — фундаментально, и, несомненно, всегда присутствовало и присутствует в человеческом обществе, прямо влияя и на способ образования форм социальности. Так, к этому фундаментальному признаку восходит и принцип дуалистического экзогамного деления на «нашу» и «другую» группы: «мы» — которые принимают брачного партнёра, и «они» — которые отдают брачного партнёра. Очевидно, что этот принцип будет присутствовать в любой форме локальности брака, и даже в гипотетическом варианте «дислокального» брака, предполагавшегося некоторыми исследователями. Экзогамия неизбежно возникает при любой устойчивой форме социального воспроизводства как необходимое условие обеспечения биологического воспроизводства. Если учесть, что ранние социальные организмы (с их подвижностью, охотой и собирательством как основой существования) не могли быть крупными по численности, то очевидно, что для каждой группы значительно более вероятно было найти брачного партнёра за пределами своей группы, нежели в рамках своего небольшого коллектива. Не последнюю роль в этом процессе поиска партнёра играл и возраст, так как, чем крупнее коллектив, тем больше вероятность своевременного получения такого партнёра в его пределах. На ранних стадиях социально-экономического развития брачная организация была направле-

на на всю совокупность мелких коллективов, что и должно было закрепиться в норме экзогамии для каждого отдельного малого коллектива. Иными словами — экзогамия в своём возникновении ориентировала не столько на запрет брака в своей малой группе, сколько на обязательность брака для каждого члена общества, что было возможно только при вовлечении в брачный обмен множества мелких коллективов.

В такой системе социальных связей весьма проблематично возникновение крупных объединений преимущественно на основе группового противопоставления или группового по признаку пола или возраста объединения. Этнографическая практика показывает, что в таких группах, как правило, нет ярко выраженных классификаторских систем и отсутствуют системы возрастных классов. Тем не менее деление социальных функций индивидов по признакам пола и возраста выражено достаточно чётко. Взаимодействующие социальные коллективы, конечно, образуют некоторую социальную и культурную общность, и она может рассматриваться как единое общество, социальный организм в той степени, в какой эти коллективы реально взаимодействуют. Общество, точнее — любая социальная система взаимодействий любой стадии эволюции — относительно эндогамно, в его пределах осуществляется брачный обмен, обмен материальными ценностями, вырабатываются единые ритуальные формы и нормы взаимодействия людей и коллективов. Ранние формы общественных систем отличаются от более поздних меньшей плотностью взаимодействия составляющих общество коллективов, частой сегментацией, образованием различных объединений, неустойчивостью связей между определенным набором групп, составляющих более широкую систему. Поэтому трудно говорить о возможном устойчивом взаимодействии индивидов, относящихся к единой возрастной группе, и об устойчивом групповом взаимодействии возрастных групп разного статуса, то есть о возрастном групповом взаимодействии как определяющей характеристике общества, без чего система возрастных классов не может существовать. Конечно, это действительно при том условии, если мы полагаем, что в основе возникновения самого этого института лежат свойства, обеспечивающие необходимые для жизни общества функции.

Такое групповое взаимодействие в рамках возрастной группы и взаимодействие между такими группами действительно возможно при переходе к относительно стабильной хозяйственной основе общественной жизни, то есть при переходе к земледелию и скотоводству. На этой базе уже возможно существование крупных коллективов, в том числе объединённых функционально по полу и возрасту.

Что касается критерия возраста, то, если учитывать собственно социальный его характер, все общество будет подразделяться, как минимум, на две основные возрастные категории — добрачная (те, кто не образует се-

мейных групп) и брачная (люди, образующие семейные группы). Первые, очевидно, будут подразделяться как минимум на хозяйственно значимых, то есть способных участвовать в производстве, и тех, кто еще не может принять участие в хозяйственной жизни, то есть младенцы. Равно и вторые, то есть семейные, подразделяются по хозяйственным функциям на активных и пассивных. При этом раскладе объективно обнаруживается большая вероятность фиксации как минимум четырех поколений (младенцы, юноши, женатые, старики), различающихся социальными функциями. Иными словами, само первоначальное деление по принципу взрослей/не взрослый, где критерием взрослости, самостоятельности является участие в биологическом воспроизводстве как предпосылке участия в социальном воспроизводстве социума (брак) — дает возможность объединения по социально-возрастной функции и основу для разделения функций по социальному возрасту.

Собственно, в этом и состоит пересечение возрастного и родственного принципа, здесь открывается возможность параллельного развития системы возрастных классов, с одной стороны, и системы родственных отношений классификаторского типа, с другой. В обоих вариантах объединяются значительные коллективы (сверстников или родственников соответственно) в условиях развития земледелия, скотоводства или смешанного хозяйства. Если учесть, что время вхождения в фертильный возраст у человека примерно одинаково во всех популяциях, то не удивительно и совпадение кратности социально-возрастных циклов в различных исторических и этнографических группах (приближение ритма смены групп к ряду: 8 — 16 — 24 — 32 — 40 лет). Но это лишь приближение и только относительная кратность, которая, тем не менее, имеет объективную возрастную (биологическую) основу, а в силу этого, при мифологической идеализации, может просматриваться в различных исторических традициях.

У галла эта пятичленная шкала представлена достаточно чётко, что говорит о длительном периоде кристаллизации этого социального института, его длительной традиции. Влияние этой традиции галла на культуры соседствующих этносов представлено достаточно четко, но можно оспаривать попытки автора представить эти влияния как изначальное существование именно пятичленной формы системы возрастных классов в соседствующих культурах или историческую необходимость существования системы возрастных классов как обязательного этапа в эволюции общественных систем.

Следует обратить внимание и на совпадение деления «идеальной» системы возрастных классов на пять ступеней с неперменной выраженностью пяти поколений в другом социальном институте — в системе терминов родства любого типа. В системе терминов «пятичленка» имеет совершенно другую природу. Реально в любой системе терминов отражаются отно-

шения, тоже бинарные по своей сути: предок-потомок, если брать собственно поколенную характеристику. Но терминология родства всегда эгоцентрична, то есть точкой отсчета является конкретный человек (Эго, то есть «я») или некто, имярек. Вне этой точки отсчета обозначение родственного отношения не имеет смысла. В связи с эгоцентричностью, бинарное противопоставление «предок-потомок» реально выражает отношения в пределах трёх поколений: мой предок — я — мой потомок, и при этом определяются дополнительно отношения моего предка к моим потомкам (деда с внуком). Тем самым отношения в пределах трёх генеалогических реальных поколений разворачиваются в пяти-поколенную терминологическую схему: деды — отцы — я — дети — внуки, где лица одного со мной генеалогического статуса — это мои братья.

Естественно, что в реальности пять генеалогических поколений (мои внуки и мои деды) нормативно сосуществовать и функционировать как возрастные группы вряд ли могут. Поэтому терминологически закреплённые группы в системе терминов родства в принципе несовместимы с системой возрастных классов. Тем не менее и в возрастной системе, и в системе родства отчетливо выражена функциональная групповая характеристика — свойство, присущее обществу эпохи существования коллективной собственности как основы экономического воспроизводства. В системе родственных отношений этот коллективизм определяется через отношение к предкам и потомкам, и единство такого отношения определяет нормативное поведение и функцию, которая меняется с изменением самого отношения. Человек может функционировать то как отец, то как сын или внук, если брать только связи мужчины по мужской линии. В системе возрастных классов эта функция фиксирована определённым традицией временем пребывания в возрастной группе и изменяется только с переходом со временем этой группы в другой социальный статус.

Автор полагает, что такая система может трансформироваться в систему, состоящую из ограниченного количества «родовых групп», прослеживающих коллективное родство на основе повторяющейся через определённый интервал поколений «тотемной» или иной символики, с последующим сужением числа таких групп и выделением династических родов. В данном случае автором предлагается гипотеза относительно начальной основы такого явления, как чередование «тронных» имен у правящих групп — явление, ярко представленное, например, в традиции монархического устройства Бурунди, где четко чередовались только четыре имени правителя и была достаточно выражена, параллельно с родовой, возрастная организация. Многочисленные примеры, приводимые в работе, несомненно, указывают на широкую представленность подобных регулярностей, приближающихся по ритму к кратности возрастных поколений. Что касается титулатуры правителей и смены статуса родовых групп (передачи права на

титул), то не исключено, что в основе этого процесса лежали явления, типологически схожие с механизмом регулярной (нормативной) передачи власти от одной группы к другой, близкие к механизму, регулиющему передачу статуса от одной возрастной группы или возрастного класса к другому. Даже если это явление не имеет отношения к эволюции систем родства с классификаторскими номенклатурами, то само явление регулярности, кратности интервала чередования поколений, несомненно, заслуживает гораздо большего внимания, нежели ему уделялось в этнографии до сих пор.

Исследование этого процесса крайне осложнено тем, что, каков бы ни был механизм его функционирования или форма его проявления в конкретной культуре, в основе своей носит естественный, то есть неизбежно вероятностный характер, и традиция фиксирует результат пересечения действия множества социальных институтов, исторических обстоятельств, хозяйственной специфики и свойств человеческой психики. Все эти аспекты исторического процесса требуют самостоятельных исследований. И, тем не менее, подходы, аналогичные подходу и материалу В. М. Мисюгина, дают стимул для взгляда под новым ракурсом на то, что в конкретных областях исследования обычно видится как устоявшееся и очевидное. Так, весьма вероятно, что общественная организация, использующая оба принципа социальных группирований — и классификаторский-родственный, и социально-возрастной, — в определенных условиях и для определенных функций закрепляла действие то одного, то другого способа организации. Например, в зависимости от условий миграций предпочтительна может быть либо миграция возрастной группы, либо небольшой группы родственников смешанного возраста. Очевидно, что в первом случае, при образовании на основе мигрировавшего поколения ряда локальных общин, велика возможность передачи на новом месте титула сначала в рамках самого поколения. Это неизбежно приведёт к передаче титула от общины к общине, либо в форме правления общин по ранжиру возрастного статуса членов мигрировавшей группы, либо к очередности представительства вновь организованных общин в «центральной» общине. При этом не будет иметь принципиального значения, была ли или не была представлена изначально классификаторская система родства. В случае переселения компактной многопоколенной экзогамной группы тоже возможен вариант чередования представительства ответвлений единой некогда группы и передачи титула в резиденцию претендента. В обоих случаях регулярность будет определяться демографическими процессами.

И там, и там принципиальную роль играет не просто миграция, а миграция в уже населённую местность, противопоставление «свой-чужой» (а тем самым — «знатный-не знатный»), противопоставление группы, в рамках которой осуществляется наследование, группам, не способным претендовать на титул. Такие ситуации в историческом процессе возникали постоянно, и каждая давала основание для возникновения той или иной

формы регулярности передачи титула, обусловленной демографическими предпосылками. Так, при оптимальных условиях не могут поочередно править более трех представителей одного поколения, если само «поколение» не воспроизводится. В этой функции «воспроизводящегося» поколения лишь позднее начинает выступать династический род (старший или, что то же самое, главный среди прочих родовых групп), сам внутри себя подразделяющийся на старшие и младшие ветви по генеалогическому старшинству, где механизм демографического ритма тоже присутствует, и тоже может дать регулярности, схожие с регулярностью воспроизводства системы возрастных классов.

В целом можно сказать, что в изучении закономерностей исторического развития, когда мы пытаемся за пестрой картиной случайных и логически (с позиций нашей политической логики) мотивированных событий увидеть закономерности, не зависящие от воли людей, мы должны осознавать, что имеем всегда перед собой объект, представляющий собой систему биосоциальную, организм, в котором люди, с их биологическими свойствами и возможностями, участвуют в воспроизводстве социальной системы и самих себя. Здесь очень важно различать явления, мотивированные разумом и логикой людей в конкретно-исторических обстоятельствах и вероятностные процессы, от логики и целенаправленной деятельности людей независимые, а скорее, сами определяющие (как функциональная предпосылка) направление изменения этой деятельности. Такую попытку проникнуть за внешнюю сторону исторических событий в сферу событий вероятностных и описать эти вероятностные события, не прибегая к «дискретно-дефинитной» форме изложения, и осуществил в своих эссе по этносоциальной истории В. М. Мисюгин.

Насколько эта попытка удачна — судить читателю. Но продуктивность чтения будет существенно зависеть от того, захочет он принять к сведению только результат предложенных интерпретаций сведений исторических источников, сопоставив их с данными других исследователей соответствующих разделов всемирной истории, или попытается вместе с автором пойти дальше поверхностного материала. В первом случае читатель будет иметь ещё одну версию изложенных в историческом источнике событий, может согласиться с ней или отвергнуть как не соответствующую его данным или его пониманию конкретной истории событий. Во втором случае он увидит новый ракурс, в котором окажется возможным по-новому взглянуть на историю сложения общественных структур, в рамках которых исторические события протекают, и которые иногда сами предопределяют ход исторических событий. Эти два среза в историческом процессе постоянно сосуществуют, что дает возможность осуществлять в исследованиях продуктивные переходы из истории событий в историю структур и обратно.

Поэтому и нужны работы, подобные предлагаемой вниманию читателя, — работы, нащупывающие эти возможные переходы и заставляющие по-новому посмотреть на материал, убеждающие в бесконечном многообразии свойств исторического процесса, в многомерности исторического бытия человека.

Как-то британские этнологи с большим стажем полевой работы поставили своеобразный эксперимент. Они решили проверить, насколько доступны для жителей традиционного африканского общества шедевры европейской драматургии. Речь шла о восприятии трагедий Шекспира знатоками устной традиции у африканского народа тив. Эксперимент прошел в высшей степени удачно. Знатоки традиции тив вполне усвоили перипетии шекспировской драмы, но весь сюжет истолковали исключительно в нормах обычного права своего народа, и исследовательнице было невозможно им доказать, что Шекспир имел в виду нечто другое, так как он с традициями народа тив знаком не был. Ей простили ее неосведомленность — не всем же быть знатоками традиций!

Так и В. М. Мисюгин интерпретирует данные фольклора исландцев и исторические свидетельства о древних германцах, средневековых галла или суахили как будто бы с позиции аборигена той культуры, о которой идёт речь, с позиции человека, как бы пребывающего в обществе доклассовой фазы эволюции социальных систем с выраженной структурной социально-возрастной стратификацией. Его изложение — это взгляд человека с чётко усвоенной и привычной ему традицией взгляда с позиции возрастных классов на исторические и этнографические свидетельства более поздние (в эволюционном смысле). Не исключено, что и мы, как считает В. М. Мисюгин, смотрим на эти свидетельства и интерпретируем их, наподобие знатоков традиции тив, в соответствии с нашим пониманием, и в этом смысле наши интерпретации исторического процесса тоже близки по духу интерпретациям шекспировских трагедий африканскими мудрецами. У них взгляд из некоторого эволюционного прошлого, у нас — из эволюционного будущего анализируемого объекта. Но главное — мы, несомненно, привносим в незнакомую культуру свою культурную оценку, а потому любая наша интерпретация достаточно условна.

Так же условна и интерпретация, предложенная в публикуемых эссе автором данной книги, интерпретация от некой начальной, а не конечной точки развития процесса. И чем больше различных интерпретаций мы будем иметь, тем более точно будет представлена реальная историческая картина, тем более полное знание мы получим о механизмах, управляющих развитием общества как в прошедшие эпохи, так и в современности.